

IRINA ERMASZOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6568-7726>

Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ НОВОГО РАСКОЛЬНИКОВА В РОМАНЕ *ТЕКСТ* ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

THE CLINICAL CASE OF THE NEW RASKOLNIKOV IN THE NOVEL *TEXT* BY DMITRY GLUKHOVSKY

This article is devoted to the novel *TEXT* by Dmitry Glukhovsky and is especially focused on its reading in an interdisciplinary manner. It is a kind of attempt to compare evaluative readings and judgments, which mainly affect the novel's intertextuality (a parallel with *Raskolnikov*), the modern realities of Russia, and the problems of technical evolution. This analysis considers the artistic embodiment of the PSTR in modern prose, in the *Text*, and contributes to the relationship between literature and medical humanities.

Keywords: post-traumatic stress disorder, new prose, reception, interdisciplinary approach

Так получилось, что книга Дмитрия Глуховского *Текст* хорошо рифмуется с известным произведением Федора Достоевского *Преступление и наказание*. Да и не только. Главный герой романа, Илья Горюнов, вообще, пополняет галерею «темной стороны» русской литературы. Перечислять героев-преступников можно бесконечно: Герасим, Катерина Измайлова, Юлий Карандышев, Тарас Бульба... Безусловно, что каждое из этих «великих литературных преступлений» имеет свой оттенок, если учитывать такие критерии, как жестокость, психические отклонения, эстетика зла, уголовная статья, идеологическая подоплека¹. Но все же чаще всего критики проводят параллель с историей Родиона Раскольникова. Наличие антидетективной истории убийства, где про убийцу все известно в начале кни-

¹ *Моцарт и Сальери, Бесы, Крейцеров соната, Евгений Онегин, Герой нашего времени, Маскарад, Тарас Бульба, Вечер накануне Ивана Купала, Преступление и наказание, Очарованный странник* и т.д.

ги; дальнейшее расследование героя в «тексте», его внутреннее метание с элементами мщения, раскаяния, покаяния, а потом в конце книги и его наказание — все приводит, конечно же, к сравнению с текстом Достоевского². А одной из главных реперных точек сравнения внутренней и зарубежной рецепции является, пожалуй, место действия — российская действительность, в которой собственно и находится генератор всяческих неприятностей:

Fiasko wszelkich prób zmiany losu i powrotu do normalności jest w warunkach rosyjskiej codzienności nieuniknione. Determinuje ją fatalistyczne przeświadczenie o charakterze Rosji: „Niby wszystko zrobił prawidłowo, a i tak pójdzie do piekła. Życie na ziemi jest tak zorganizowane, żeby wszyscy ludzie koniecznie trafiali do piekła. Szczególnie w Rosji”³.

Wyrażając taki osąd, Gluchowski odwołuje się do powtarzającej się w opiniach na temat Rosji refleksji Piotra Czaadajewa, twierdzącego, że jego ojczyzna jest krajem bez perspektyw, oderwanym od korzeni i pozbawionym nadziei, w którym żyje się „wyłącznie terażniejszością w jej najwęższym zasięgu, bez przeszłości i przyszłości, wśród martwego zastoju”. Pobrzmiwają w tym fragmencie powieści również echa europejskiego dyskursu politycznego, w którym Rosja od dawna uznawana jest za „tłumiciela wolności”, „ciemną i złą siłę”, „politycznego Arymana”⁴.

Прочтение в сравнительном ключе очень соблазнительно⁵. Однако, следует помнить, что у современного Достоевского другие

² «Кажется, про социальные обстоятельства, которые заставляют человека совершать преступление, мы уже когда-то читали — у Достоевского, например. У Глуховского, как в *Метро 2033* можно найти параллели к Стругацким, так и в *Тексте* расставлены ‘приветы’ *Преступлению и наказанию*. Помимо сходства сюжетов — убийство и рефлексия убийцы — здесь тоже фигурирует коллизия ‘тварь я дрожащая или право имею?’». Е. В. Васильева, *Дмитрий Глуховский. Текст*, «Звезда» 2017, № 10, <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/10/dmitrij-gluhovskij-tekst.html> (20.06.2023), а также: D. Węclawek, *Dmitrij Gluchowski: Najwięcej krzywdy Rosja nom wyrządzili Rosjanie*, <http://weekend.gazeta.pl/weekend/> (20.06.2023).

³ K. Arciszewska-Tomczak, *Obraz rosyjskiej codzienności w powieści «Tekst» Dmitrija Gluchowskiego*, „Przegląd Rusycystyczny” 2020, № 2(170), s. 107.

⁴ Термины Николая Данилевского. Цитируется по: G. Przebinda, *Piekło z widokiem na niebo. Spotkania z Rosją 1999–2004*, Wydawnictwo Znak, Kraków 2004, s. 14.

⁵ «Подобно тому, как герои американских сериалов бессознательно используют наработки русской литературы, герой, не имея ни капли сострадания к своему обидчику, внезапно убеждается, что даже в самом черством человеке, своем обидчике, возможно отыскать душу. Этот достоевский перелом кардинально меняет и самого героя драмы: теперь он вмешивается в судьбу других, с тем чтобы по мере сил внести в их жизнь хоть немного

реалия, другой герой, другая раскадровка, другой мотив убийства. В связи с чем возникает следующий вопрос: закручивается ли временная петля истории несмотря на внешнюю трансформацию и появляется ли все тот же вопрос «тварь ли я дрожащая...» или новое «преступление и наказание» отвечает иным запросам, кодирует отличные смыслы? Стоит ли попадаться на удочку сравнения с кажущимся романом-двойником или отойти от очевидного, а даже перейти к рассуждениям, свободным от литературных, политических и других скреп? Каково психологическое состояние современного Раскольникова и можно ли было все-таки избежать фатума?

I

История закручивается в Москве, в подмосковной Лобне в 2016 году. По телевизору нагнетают, пугают войной с Украиной, рассказывают про проделки коллективного Запада. Главный герой мало что в этом понимает, так как последние семь лет провел в местах лишения свободы. Замечает, однако, что жизнь в столице крайне изменилась. Москва расцвела и внешне превратилась в город-праздник, выигрышно смотрится на контрасте с окраинами и регионами. Так рисуется на страницах романа одна реальность, но за ее скобками находятся две другие немаловажные, а возможно и ключевые: память прошлого и цифро-

любви и надежды. Роман-отмщение превратился в роман-сострадание — и покаяние». А. Архангельский, *Телефон сегодня — отпечаток души*, «Огонек» 17.07.2017, <https://www.kommersant.ru/doc/3351099> (20.06.2023); «Вот сброшенный Раскольниковым топор, вот пролетающая мимо фразочка Ахматовой, тут уносится вдаль чёрный бумер, а там и вовсе нацбол Санька тащит на собственном горбу отцов гроб». О. Демидов, *Катастрофа в русской словесности*, https://www.rara-rara.ru/menu-texts/katastrofa_v_kosmose_russkoj_slovesnosti (20.06.2023); «Горюнов, как и Раскольников, идёт на убийство. Мотивы разные, но оба писателя заводят своих героев в безвыходное положение. Один жил в нищете и создал фашистскую теорию, другой — не тверёз, да и обстоятельства так складываются, что иначе нельзя. Позже в *Тексте* появятся знакомые мотивы наказания за содеянное, убийства нерождённых детей, спасения девушки от невозможного хама и т.д. Да и сам антидетективный принцип (преступление совершено в самом начале, убийца известен) позаимствован у Достоевского». О. Демидов, *Катастрофа в русской словесности*, https://www.rara-rara.ru/menu-texts/katastrofa_v_kosmose_russkoj_slovesnosti (20.06.2023).

вая. Воспоминания тюремного опыта, не отпускающие сознание героя, и чужой дигитальный «текст» (соцсети, видео, фотографии), затягивающий Горюнова все глубже и глубже в бездну своих проблем.

Илья Горюнов, иначе — современный Раскольников, это недоучившийся студент филологического факультета, в прошлом легкий, счастливый, беззаботный парень, воспитанный одной матерью, в прекрасных с ней отношениях. Однажды, вступившись в клубе за подругу, он стал жертвой незаконного задержания сотрудником наркоконтроля, Петром Хазиним. Оказавшись в тюрьме в жестких условиях на долгих семь лет, герой неоднократно подумывал о самоубийстве. Прервать жизнь не давали только мысли о матери, неустанно причитавшей о последствиях греха, невозможности встречи в загробном мире. Собственно, встречи не суждено было случиться и в мирской жизни. Накануне возвращения Ильи мать умирает от инфаркта, о чем герой узнает неожиданно на пороге своего дома. Потеря близкого человека, с которым Илья связывал надежды и смысл возвращения, стало огромным потрясением и большим горем, к которому присоединился еще ряд грустных событий, отрицательно повлиявших на его и так сломленное психическое состояние. Подруга уже давно с другим, особой благодарности не испытывает, что абсолютно обесценивает, как кажется Горюнову, его рыцарский поступок и семь лет несвободы. Единственный близкий друг уже совсем не близкий, живет в другой системе координат, другими вещами, «вперед». Матери больше нет, денег на похороны нет. В остатке — пустая квартира, холодные щи, которые мать наготовила к приезду сына, новая непонятная реальность, одиночество и огромная обида. Вместо перехода из тюремного кошмара к нормальности получился не переход, а продолжение кошмара. Отсутствие человеческой и финансовой поддержки, а также фрустрация, тупиковость ситуации и алкоголь приводят Илью к случайному мщению: к убийству Хазина кухонным ножом. Изначально Илья хотел только увидеть обидчика, поговорить, спросить «за что?», прервать психический кошмар, но попавшись на уловку Петра (предъявляет удостоверение), машинально наносит обидчику удар ножом в горло. Далее, бросает живого Петра в канализационный люк и присваивает оружие, телефон и всю цифровую жизнь обидчика. На несколько дней до финальной трагической развязки герой погружается в личные, семей-

ные и профессиональные перипетии сотрудника наркоконтроля. Именно этой сюжетной линии и посвящена большая часть романа, по сути, главной, рассказывающей историю о том, как можно завладеть чужим телефоном, завладеть и чужой жизнью; историю про цифровую эволюцию в современном мире и его последствия.

Краткое приближение трагической истории Горюнова уже показывает, что проводить какие-либо параллели с романом Достоевского практически не имеет оснований. Точки сближения остаются кажущимися и только являются некой игрой писателя как с классикой, так и читателем. Даже если убийства в двух романах это, действительно, точки невозврата и объективные факты, которые далее необходимы для художественных и идейных целей, то в деталях/характеристике (мотив, психологическое состояние убийцы, характер организации, цели) кардинально разнятся. Так, например, если взять характеристику мотива убийства, который может быть социальным, идеологическим, политическим, личностным, управляемым (совершение убийства, повинувшись чужой воле), то мотив убийства Родионом старухи имеет социальную и идеологическую подоплеку («Тварь ли я дрожащая или право имею...»), а действия Ильи характеризуют личностный подход («За что ты меня, мразь? Ракрывается поднять? За облом оттоптать? От скуки? Для чего?»⁶). Отличаются убийства и по психологическому состоянию. Если взять следующую классификацию: хладнокровный расчет; волнение, сомнение; состояние аффекта; помешательство, безумие, то «новый» Раскольников действует в состоянии аффекта и алкогольного безумия, когда как «старый» вынашивает четкий план, в который, правда, не входило убийство сестры процентщицы и только увеличило тяжесть преступления. Так что же объединяет эти два преступления? Объединяет, пожалуй, то, что в обоих романах убийство — это некий художественный «трамплин», от которого далее путь героев динамически идет «вверх» или «вниз». В романе Достоевского он необходим, чтобы герой пришел к осознанию ложности своей теории, к некому выздоровлению, совершил путь «вверх», в романе Глуховского — чтобы окончательно «убить» героя, ввязывая его в следующее преступление: кражу жизни Другого через телефон. Илья

⁶ Д. Глуховский, *Текст*, АСТ, Москва, с. 49.

совершает путь «вниз», хотя, казалось бы, по ходу сюжета совершает ряд добрых, напоминающих Достоевские повороты, поступков (например, спасает жизнь ребенка). Несмотря на мнимую схожесть и явные различия романов, одно утверждение вполне обосновано: оба героя, Родион и Илья, это герои своего времени, однако рассматривать их истории все-таки необходимо не-в-диалоге, а в контексте своего времени. Поэтому следующая часть статьи посвящена диагностике — в междисциплинарном ключе, а точнее в «медикализирующем» формате — состояния только Ильи Горюнова, нового Раскольниково своего времени; его самочувствия, в котором убийство и последующее погружение «на дно» вполне предсказуемы.

II

Роман *Текст* вызвал и вызывает резонанс в общественном дискурсе — российском и международном. В основном критики остро реагируют на перескакивание из произведения в произведение, то есть его интертекстуальность, а также на слишком прямую связь с реальностью на момент написания⁷. Но именно последнее позволяет на прочтение *Текста* в контексте новых современных интердисциплинарных знаний, наблюдений, ощущений и заключений. Кроме того, и само произведение, и его критика, и исследования над ним — согласно эссе Сьюзен Зонтаг *Единая культура и новое мировосприятие*⁸ — это платформы, отражающие новую восприимчивость и автора, и читателя — широкого и профессионального. Для каждого из них произведение может стать только лишь поводом для фиксации общественных или культурных диагнозов, изменений, тенден-

⁷ «По сути, *Текст* — энциклопедия либеральных штампов. Достоевский со слезинкой ребёнка, неподцензурный Ерофеев, Ахматова, размышляющая о ГУЛАГе, и постоянно возникающие антиутопические картины современной Москвы. Не хватает только шатающегося по арбатским переулкам поэта-маргинала, марающего стены домов антисобянинскими лозунгами». О. Демидов, *Катастрофа в русской словесности*, [https://www.rara-rara.ru/menu-texts/katastrofa_v_kosmose_russkoj_slovesnosti](https://www.rara-rara.ru/menu-texts/katastrofa_v_russkoj_slovesnosti) (20.06.2023).ю

⁸ С. Зонтаг, *Единая культура и новое мировосприятие* (1965) // той же, *Против интерпретации и другие эссе*, пер. Б. Дубин и др., Ад Маргинем Пресс, Москва 2014, https://4italka.su/dokumentalnaya_literatura_main/kritika/404176/fulltext.htm?ysclid=lj48au6mw1473338726 (20.06.2023).

ций, явлений. Художественные особенности произведения искусства, его взаимосвязь с другими текстами и пр. вовсе могут остаться без должного внимания. Как *Текст* говорит уже особым языком, натурально черпая из достижений науки и техники, вмещающая в себя новую восприимчивость, нарушая всяческие конвенциональные границы, присваивая материалы и методы из мира «не-искусства»; так и подход к *Тексту* — его трактовка и анализ — также вполне может иметь синтезированный характер. Можно выйти за рамки литературного дискурса, а также политического, исторического, национального и пойти в сторону «медиализирующего» дискурса, используя инструменты медицинских гуманитарных наук. К тому же в *послековидное* время «врачебные» трактовки тем более набрали значение и спрос, о чем подробно, с богатой библиографической подборкой, представлено в научном труде Вавжинца Попель-Махницкого, Бартоша Осевича и Александра Распопова¹⁰. Так, история Ильи Горюнова в начале XXI века является художественной фиксацией клинического случая, а именно дистресса человека, пережившего катастрофу, травмирующее событие или ряд подобных событий.

В романе представлен типичный случай посттравматического стрессового расстройства, иначе — ПТСР, то есть тяжелого психического состояния, возникшего у героя вследствие многоуровневой травмы. Илья пережил незаконное задержание и годы тюрьмы, где каждый год проходил как за три. Он столкнулся с очевидным проявлением насилия над человеком, которое вылилось в ПТСР. Все последующие важные сцены, собственно три четверти романа: убийство, проживание чужой жизни в телефоне, трагическая развязка — это ни что иное как следствия этого насилия, а именно посттравматическое стрессовое расстройство. Герой не пришел к нормальности. Это история о сломанной идентичности, которая выйдя из заключения, не нашла спасательного крючка, выхода из положения «себя-жертвы». Не имея возможности пройти необходимую терапию (профессиональную или бытовую — в кругу семьи, например), не имея никого перехода из мира заключения в мир свободы,

¹⁰ В. Попель-Махницкий, Б. Осевич, А. Распопов, *Мотив противостояния человека болезни Covid-19 в новейших стихотворениях Александра Городницкого, Дмитрия Быкова, Дмитрия Данилова*, «Russian Literature» December 2022, vol. 134, с. 97–120.

он остается жертвой. Действия такой личности вполне предсказуемы, так как чаще всего — согласно исследованиям — имеют разрушительный для нее самой же характер.

Напомним, что впервые ПТСР было описано в США после длительного изучения психического состояния солдат американской армии, вернувшихся с войны в Вьетнаме. В качестве обоснованной диагностической категории термин был принят в 1980 году и подразумевал под собой особое состояние человека, испытавшего стрессовое событие угрожающего или катастрофического характера, способного вызвать общий дистресс¹⁰. В ходе изучения данного расстройства было установлено, что порог допустимого для каждого человека индивидуален; что данное расстройство может развиваться как после боевых действий, так и после пережитых оскорблений и угроз, социальной травли. ПТСР — согласно новым исследованиям — развивается даже у маленьких детей в ситуациях, которые взрослые могут посчитать незначительными: например, родители не смогли защитить ребенка от физической травмы или на время отдали его незнакомым людям. Доказано также, что на травматичность событий для психики огромную роль играют дополнительные факторы: внезапность и непредсказуемость; длительность и повторяемость; невозможность контроля, чувство беспомощности; наличие риска смерти и увечий в отношении близких людей, социально незащищенных групп (например, детей и пожилых людей); принуждение переступить через нормы морали, важные личные убеждения; унижение личного достоинства и т.д. То есть необязательно проживать крушения, аварии, войны, стихийные бедствия, чтобы стать заложником этого расстройства. Небольшие (казалось бы) личностные отрицательные потрясения способны привести к тому, когда нормальная жизнь для человека кажется невозможной. К тому же, чаще всего на уже имеющееся расстройство накладываются новые расстройства, обусловленные стрессами в связи с социальной дизадаптацией.

Развитие расстройства связано — как написано в учебном пособии по *Посттравматическому стрессовому расстрой-*

¹⁰ А.Л. Пушкарев, В.А. Доморацкий, Е.Г. Гордеева, *Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия*, Издательство Института психотерапии, Москва 2000, <https://psymania.info/medpsy/posttravm.php> (1.06.2023).

ству — с механизмом записи пугающих воспоминаний и работой миндалины головного мозга, то есть структуры, которая отвечает за оценку угрозы и формирование максимально быстрого эмоционально-поведенческого отклика на нее. После травмирующего события в человеческой памяти закрепляется стойкий *триггер* — своеобразный слепок из различных образов, напоминающих о пережитом. Это могут быть и зрительные образы, и звуки, и запахи, и тактильные прикосновения.

Но главное — не возвращаться на зону.

Дико, дико страшно стало ему вдруг оказаться запертым в масляном-решетчатом кирпичном ящике навсегда, страшно лишиться пространства, воздуха, вида на многоэтажки, права ехать на поезде, ходить по улицам, смотреть на человеческие лица, права видеть девушек, права еще раз оказаться дома, дух этот домашний втянуть в себя. Только шербатые хари, серые робы, беспросветная мразота вместо ума и сердца, злые хитрые правила блатной жизни, леской, паутиной через каждую секунду натянутые: только и хотят, чтобы ты случайно встрял, запутался, задержался, чтобы можно было тебя обобрать, напихать в рот тебе грязных тряпок и изнасиловать, обгадить и поржать над тобой, ухая, гнилозубо. Только так человек может справиться с унижением и уничтожением себя: передавая унижение дальше, вмазывая в дерьмо других: иначе его не отпустит.

Но за убийство легавого другая зона положена: пожизненное, особый режим. Специально придуманная так, чтобы человека до самоубийства довести — в камерах слепящий свет круглые сутки, воздуха в день полчаса, передача раз в год, обыски постоянно, даже с сокамерниками свыкнуться не дают — перетряхивают все время, из камеры выход харей в пол, руками вверх, всегда бегом — а убить себя никогда не позволяют.

Вчера казалось, воля неудобная.

Сегодня от одной мысли о зоне жуть такая была, как будто пакетом душат.

Илья Горюнов — это как раз пример человека, пережившего насилие: бесправное задержание, несправедливый суд и семь лет выживания в Гулаге. Это не одно событие, а целый ряд, который стал неким травмирующим для него крушением. Упомянутый «крючок», *триггер* неминуемо законсервировался в его сознании. В результате Илья стал другим, травмированным человеком, находящимся в плену себя-жертвы. После этой катастрофы у него развилась социальная дистанцированность, чувство затравленности (видит везде «мусоров») и ощущение отчужденности. Он полагает, что все узнают в нем бывшего арестанта, изгоя, пропитанного запахом зоны. После смерти матери, потери друга и подруги ему абсолютно не за что держаться на воле:

Жизнь вся одномоментно стала порожней, там было слишком пусто, в ней не за что было держаться (с. 50).

Последующая цепь событий во второй половине романа, которые как костяшки домино укладываются одно за другим, только усиливает расстройство, потому как на него накладываются новые. Конструкция: убийство, агрессия, расстройства сна, мысль о самоубийстве — практически вполне предсказуема.

Каким ужасом был для Ильи пережитый опыт в момент задержания, на скамье подсудимых и в местах заключения — считается в немногочисленных в тексте описаниях и воспоминаниях. Они даны скупо, сдержанно и пунктирно. Комплексная травма настолько велика, что новый Раскольников избегает о ней даже думать. Несколько описаний одной только зоны, где любой день заключения — это пытка, концентрируют в себе уровень травмы для героя:

Он ступал по Москве осторожно, чтобы она от слишком широких взмахов и слишком уверенных шагов и в самом деле не оказалась бы сном и не рассеялась бы; чтобы не очнуться от нее в масляной серой тюремной хате, в зябкой духоте, среди иконок и тычущихся в тупик жизней, в запахе носков и вечом страхе ошибиться(с. 9).

Он столько себе этот день представлял. Столько думал о нем. Когда приходилось в колонии терпеть — думал об этом подъезде, о этом домофоне. О возвращении. Были вещи, которые приходилось жрать — ради того, чтобы вернуться. Чтобы снова стать нормальным. Как? [...] Мать по телефону говорила; ты не должен им позволить себя искалечить. [...] Делай, что сказано. А то сломают, Илюша. Сломают или совсем убьют. Систему не перебороть, а зато можно незаметным сделаться, а она про тебя забудет. Надо переждать, перетерпеть. Вернешься, и мы уж все наладим (с. 18).

А... — Серега устался Илье в лоб. — А как на зоне там?/Как. Обычно. Зона и зона./Ну да./ Хотел бы, но не мог.(с. 44)

Судья человек безмозглый и бессердечный, ей когда мантию выдают, грудину полой делают. Суд так устроен, что оправдать никого нельзя: за оправдание оправдываться придется. Если до суда дошло — точно приговорят (с. 48).

На зоне помогли их понять: там-то таких было в избытке. Зона из таких Хазиных и составлена. Одних сачком ловят, как красноглазых слюнявых собак, у пхают внутрь кирзачом; а другие приходят туда сами, по доброй воле, потому что где еще можно уничтожать людей и получать за это паек? (с. 50).

Стоял и думал: на воле воздух очень разряженный. Места тут чересчур, плотность населения слишком низкая. На зоне вот по сто пятьдесят чело-

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ НОВОГО РАСКОЛЬНИКОВА...

век в бараке, на тюремке по пятьдесят в хате, нары в три яруса, до чужой судьбы полметра; и у каждого вместо судьбы — открытый перелом, острыми обломками наружу. Нельзя наткнуться на другого, нельзя не распороть себя об него, не обмазаться в мясных лохмотьях. Лезут друг другу в глаза, в нос своими потрохами вонючими, членом тычут. Некуда друг от друга деваться. Сначала жутко от этого, потом тошно до блевоты, потом привыкаешь, а потом без этого даже и пусто (с. 52).

Согласно научному мнению, из ПТСР невозможно выскочить без профессиональной помощи или осознания. Жизнь Ильи на свободе могла пойти по другому сценарию, если была бы оказана помощь, реабилитация или просто возможность с кем-то проговорить ситуацию. На зоне он стал, безусловно, жертвой и на выходе из заключения продолжал находиться в позиции жертвы, которая не берет ответственности за свою жизнь. Пережив травму, он вышел с другой идентичностью, низким базовым доверием к миру, кажущимся ему опасным. Он не сумел изменить свою судьбу. Тем более ситуация утяжелилась в связи с утратой матери, обнулением его подвига бывшей девушкой, отчужденностью друга и, наконец, роковой встречей с Хазинным. Последний снова в секунду стал хозяином положения, предъявив удостоверение полицейского. В тот момент, когда ситуация с повторным задержанием стала вероятной, сработал тот самый *триггер*, тот самый «запах», на который отозвался мозг. В академическом издании это явление описано следующим образом:

И когда окружающая реальность хотя бы отдаленно совпадает с этим *триггером* — например, мы почувствовали *тот самый* запах — миндалина мозга обрабатывает информацию, фиксирует *триггер*, воспринимает ситуацию как *реально* опасную и запускает немедленную защитную реакцию. Это происходит максимально быстро, автоматически — человек может даже не осмысливать происходящее¹⁹.

III

Казалось бы «медицинский подход» (исследование последствий пережитого «порога допустимого») необходимо с осторожностью применять к литературному вымыслу, потому как глобаль-

¹⁹ А.Л. Пушкарев, В.А. Доморацкий, Е.Г. Гордеева, *Посттравматическое стрессовое расстройство...*

ный замысел книги, по всей вероятности, в другом. Вся история о деструкции героя отвечает определенным целям — показать действительную картинку российских будней (хромоту правой, семейной и др. систем), а не идеализированную²⁰, а также последствия технологической и цифровой эволюции. Именно этому в основном и посвящена рецепция в стране и за рубежом. Осторожное применение данного инструментария из медицинской гуманитарной науки²¹ имеет смысл еще и в связи с тем, что далеко не у всех людей, переживших травматические события, развивается посттравматическое стрессовое расстройство. Но все же стоит особое внимание уделить именно психологическому состоянию героя *Текста*, которое по всей вероятности и привело его к убийству и которое еще не получило должного внимания в исследовательских работах. Данная статья с междисциплинарным подходом — это некая попытка выравнивания уже имеющихся оценочных прочтений и суждений, а диагностирование художественного воплощения ПСТР в современной прозе является неким вкладом во взаимосвязь литературы и гуманитарных медицинских наук²²: фиксация нынешних болезней времени и попытка описания языком этого же времени. Естественно, не стоит забывать, что в романе-предостережении расстройство имеет как и буквальное значение, так и, конечно же, метафорическое, символическое. Благодаря категории ПСТР,

²⁰ D. Głuchowski: «Nie obchodzi nas piękna przyszłość, ludzie uwielbiają dramat, konflikty, reagują na przekaz, kiedy on nimi wstrząsa. [...] ludzie nie chcą wykładów o moralności. Chcą doświadczać emocji, więc najlepszym sposobem na przekazanie im pewnych idei jest ubieranie ich w silne emocje». Цит. по К. Arciszewską-Томчак, *Obraz rosyjskiej codzienności...*, с. 112.

²¹ «В последние десятилетия динамично развивающейся дисциплиной являются медицинские гуманитарные науки. Категории здоровья и болезни отныне не являются объектом интереса лишь медицины, но и междисциплинарных гуманитарных знаний, поскольку они представляют собой составную часть человеческого опыта. Благодаря медицинским гуманитарным наукам, ‘медицинское’ выходит за пределы ‘клинического’ и переплетается с ‘биомедицинской культурой’. Это, в свою очередь, свидетельствует о возникновении новых форм междисциплинарного дискурса». В. Попель-Махницкий, Б. Осевич, А. Распов: *Мотив противостояния человека болезни covid-19...*

²² О связи литературы и медицины смотри в статье В. Попель-Махницкого и др.: «Читая произведение о болезнях, врачи могут точнее понять природу страха и ожиданий пациентов с тяжелыми заболеваниями. Врачи идентифицируют и сопоставляют реальные истории своих пациентов с нарративами вымышленных персонажей и их неизбежными конфликтами, переживаниями и размышлениями, вызванными болезнями», там же.

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ НОВОГО РАСКОЛЬНИКОВА...

как и другим категориям, относящимся к здоровью, появляется возможность более глубокого осмысления разных пластов человеческой жизни в эстетическом (историческом, политическом, социальном) пространстве.

В заключении следует сказать: реакция Ильи, или нового Раскольникова, а именно убийство полицейского и жизнь в его смартфоне является реакцией защитной и неосмысленной. Это только закономерные последствия того страшного, что с ним произошло. Пытаясь вынырнуть из тоннеля своей катастрофы, он пошел на пролом стен. Он не осознавал и не понимал, что спасение или оздоровление себя не в их разрушении, а в построении чего-то нового. Горюнов — человек, переживший насилие, заразившись ним как вирусом, сам становится насильником. Илье не удалось найти объяснительных конструкций, выхода из кошмара, своего спасательного крючка, поэтому его болезнь пробрела хроническую форму.

REFERENCES:

- Arciszewska-Tomeczak, Katarzyna. "Obraz rosyjskiej codzienności w powieści *Tekst* Dmitrija Gluchowskiego." *Przegląd Rusycystyczny*, 2020, no. 2(170): 103–114.
- Arkhangel'skiy, Aleksandr. "Telefon segodnya — otpechatok dushi." *Ogonek* 17.07.2017 [Архангельский, Александр. "Телефон сегодня — отпечаток души." *Ogonek* 17.07.2017] <<https://www.kommersant.ru/doc/3351099>>.
- Glukhovskiy, Dmitriy. *Tekst*. Transl. Podmiotko, Paweł. Kraków: Insignis, 2017.
- Glukhovskiy, Dmitriy. *Tekst*. Moskva: AST, 2022 [Глуховский, Дмитрий. *Текст*. Москва: АСТ, 2022].
- Demidov Oleg. *Katastrofa v kosmose russkoy slovesnosti* [Демидов Олег. *Катастрофа в космосе русской словесности*] <http://rara-rara.ru/menu-te-xts/katastrofa_v_kosmose_russkoj_slovesnosti>.
- Kowalczuk, Urszula. "Codzienność w literaturze XIX (i XX) wieku. Od Adalbeta Stifera do współczesności." Red. G. Borkowska, A. Mazur. Opole 2007: [recenzja]." *Wiek XIX: Rocznik Towarzystwa Literackiego imienia Adama Mickiewicza*, 2008, no. 1 (43): 149–156 <<https://rcin.org.pl/dlibra/doccontent?id=70237>>
- Kube, Marcin. "*Tekst*" Gluchowskiego: *przechowalnia naszej duszy* <<https://www.rp.pl/literatura/art2277321-tekst-gluchowskiego-przechowalnia-naszej-duszy>>.
- Os'kin, Valentin. "Zastyvshiyе chuvstva prevrashchayut-sya v khronicheskuyu bol": chto takoye PT-SR i kak yego lechit." *Forbes* [Оськин, Валентин. "Застывшие чувства превращаются в хроническую боль»: что такое ПТСР и как его лечить." *Forbes* <<https://www.forbes.ru/forbeslife/469907-zastyvsie-cuvstva-prevrasautsa-v-hroniceskuu-bol-cto-takoe-ptsr-i-kak-ego-lecit>>.
- Parkhuts, Światosław. *Zbrodnia i kara naszych czasów, czyli 'Tekst' Gluchowskiego* <<https://arytmia.eu/zbrodnia-i-kara-naszycz-asow-czyli-tekst-gluchowskiego/>>.

- Popel'-Makhnitskiy, Vavzhinets, Osevich, Bartosh, and Raspopov, Aleksandr. "Motiv protivostoyaniya cheloveka bolezni Covid-19 v novejshikh stikhotvoreniyakh Aleksandra Gorodnitskogo, Dmitriya Bykova, Dmitriya Danilova." *Russian Literature*, December 2022, v. 134: 97–120 [Попель-Махницкий, Вавжинец, Осевич, Бартош, Распопов, Александр. "Мотив противостояния человека болезни Covid-19 в новейших стихотворениях Александра Городницкого, Дмитрия Быкова, Дмитрия Данилова." *Russian Literature*, December 2022, v. 134: 97–120].
- Przebinda, Grzegorz. *Piekło z widokiem na niebo. Spotkania z Rosją 1999–2004*. Kraków: Wydawnictwo Znak 2004.
- Przybysz, Anna. "Rekonfiguracja. Dmitrij Gluchowski na gruncie realizmu." *Porównania*, 2018, no. 2(23).
- Pushkarev, Andrey, Domoratskiy, Vladimir, and Gordeyeva, Yelena. *Posttraumaticheskoye stressovoye rasstroystvo: diagnostika, psikhofarmakoterapiya, psikhoterapiya*. Moskva: Izdel'stvo Instituta psikhoterapii, 2000. [Пушкарев, Андрей. Доморацкий, Владимир. Гордеева, Елена. *Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия*. Москва: Издательство Института психотерапии, 2000].
- Strukova, Marina. *O romane Glukhovskogo "Tekst"* [Струкова, Марина. *О романе Глуховского "Текст"*] <<http://writervall.ru/gluhovskij-tekst/>>.
- Tarasova, Dar'ya. "Motiv ubiystva v russkoy literature 19 veka." *Studia Humanitis*, 2019, no. 2 [Тарасова, Дарья. "Мотив убийства в русской литературе 19 века." *Studia Humanitis* 2019, no. 2] <<https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-ubiystva-v-russkoy-literature-xix-veka/viewer>>.
- Węclawek, Dominika. *Dmitrij Gluchowski: Najwięcej krzywdy Rosjanom wyrzadzili Rosjanie* <http://weekend.gazeta.pl/weekend/1,152121,17796859,Dmitrij_Gluchowski_Najwiecej_krzywdy_Rosjanom_wyrzadzili.html>.
- Vasil'yeva, Yelena. "Dmitrij Glukhovskiy. "Tekst'." *Zvezda*, 2017, no. 10 [Васильева, Елена. "Дмитрий Глуховский. "Текст'." *Звезда*, 2017, no. 10] <<https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/10/dmitrij-gluhovskij-tekst.html>>.
- Zontag, S'yuzan. *Protiv interpretatsii i drugie esse*. Transl. Dubin, Boris at all. Moskva: Ad Marginem Press, 2014 [Зонга, Сьюзан. *Против интерпретации и другие эссе*. Transl. Дубин, Борис и др. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014] <https://4italka.su/dokumentalnaya_literatura_main/kritika/404176/fulltext.htm?ysclid=lj48au6mw1473338726>.